

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>
Название: Стенограммы допросов. Часть 2

Опись 4689439/960-g
Архив RAV140934

Штамп 1: Материалы не подлежат открытой публикации до 07 октября 1996, ввиду
возможного ущерба общественной нравственности. Дата: 07 октября 1946г.

Штамп 2: Разрешен ограниченный доступ. Дата: 08 октября 1996г.

Второй фигурант
(первый допрос)

Дело W-14.

Выписки из томов 1 и 6 (использованы выдержки из дел: L-14, M-3)

Следователь: Ваше имя, дата рождения, звание?

Допрашиваемый: Гюнтер Веккер, 6 января 1919 года, шарфюрер СС.

С.: Вы служили в концентрационном лагере "Равенсбрюк"?

Д.: Так точно. После окончания школы СС города Фюрстенберга в 1938 году был
командирован в лагерь, где и проходил службу вплоть до ареста союзными войсками в апреле
1945 года.

С.: То есть вы служили в лагере практически со дня его основания?

Д.: Так точно.

С.: В "Равенсбрюк" с самого начала содержались в основном женщины?

Д.: Так точно. Женщины и их дети. Только с 1939 года 7-й барак мужским сделали, но он
небольшой, где-то на 500-700 заключенных.

С.: А почему персонал в лагере был почти исключительно мужской?

Д.: Так ведь сначала женский был. А мужчинами заменили, когда полностью перевели по
линии СС.

С.: Ваша должность в лагере?

Д.: До марта 1944 года - денщик господина оберштурмфюрера Ланге. После присвоения
звания шарфюрера - его порученец.

С.: Ланге руководил первоначальной сортировкой прибывших заключенных?

Д.: Так точно.

С.: Вы тоже принимали в этом участие?

Д.: Никак нет. Только присутствовал и выполнял непосредственные приказы руководства.

С.: Это противоречит полученным нами показаниям. Тем не менее, вы в деталях знакомы с
технологией сортировки?

Д.: Так точно.

С.: Расскажите об этом подробно.

Д.: Видите ли, первоначальная сортировка проводилась по-разному до декабря 41-го и после.

С.: С чем это связано?

Д.: Из-за успехов на Восточном фронте лагерь переполнился. В конце 41-го стало поступать

уже по эшелону в неделю, а то и больше. Руководство меры, конечно, принимало. Но все равно смертность была недостаточно низкой. И трупы трудно было ликвидировать. Поэтому в ноябре 41-го были опробованы, а в декабре - запущены газовая камера и крематорий.

С.: Так в чем разница между сортировкой до декабря 1941 и позже?

Д.: До 41-го прибывающие заключенные осматривались, проходили через отдел конфискации и после душевой все размещались по баракам. Ликвидировались сразу только немощные и больные. Остальные по полной программе использовались для различных нужд.

Сельскохозяйственные работы в окрестностях, эксперименты в медицинском блоке, внутрилагерные нужды и так далее. А потом все было изменено. Расово неполноценные - еврейки, цыганки и их дети - после отдела конфискации сразу направлялись в газовую камеру. С 42-го и часть политических - тоже. Остальные трудоспособные - по баракам. Дети и привлекательные молодые женщины, если не расово неполноценные, через отдел конфискации не проводились.

Они сразу после осмотра шли в душевую, потом использовались для других целей.

[Эксперименты в медицинском блоке приведены в допросе сержанта Хонстеля (фигурант 3), работа отдела конфискации - в допросе Айрин Вайсур (фигурант 6) - пер.]

С.: Для половых целей?

Д.: Не только. Использовались и в медицинском блоке, и в качестве анатомических пособий школы СС в Фюрстенберге [по поводу этих "пособий" см. допрос Ганса Найтера (фигурант 7) - пер.].

С.: Откуда у вас столь подробная информация?

Д.: В мои служебные обязанности входило составление сопроводительной документации.

С.: Давайте теперь по порядку. Как вы проводили осмотр прибывающих заключенных?

Д.: Я не проводил, я только присутствовал при осмотре. Проводило руководство.

С.: Вас не спрашивают, кто проводил. Как это делалось?

Д.: Осмотр каждый раз проводился по инструкции. Заключенных выводили на плац. Они там раздевались и по одной проходили под навес к проводящему осмотру. Одежду и грудных детей держали на руках. Дети, естественно, тоже должны были быть раздеты. Заключенная должна была открыть и показать рот, подмышки, приподнять груди и показать кожу под ними.

Потом она вставала на скамеечку и раздвигала паховые волосы до голого тела. Затем поворачивалась спиной, нагибалась, разводила ягодицы и раскрывала естественные отверстия. Если с ней был ребенок, то она и ребенка показывала. На основании увиденного проводящий осмотр разделял заключенных на группы: ликвидация, работа, медицина, внутренние службы. После этого они одевались и становились в очередь к отделу конфискации.

С.: А зачем они одевались перед отделом конфискации, ведь там опять требовалось раздеться?

Д.: Так ведь погода была разная. Иногда и дождь или снег. А ждать перед отделом долго приходилось. Поэтому и осмотр проводился под навесом.

С.: Все заключенные безропотно проходили осмотр?

Д.: В основном - да. Если было сопротивление, оно подавлялось.

С.: Как?

Д.: Физическими методами.

С.: Какими?

Д.: Их тогда били.

С.: Вы?

Д.: Очень редко, только по приказу господина оберштурмфюрера Ланге, когда ему не хотелось отрываться от личных рабынь. Обычно это делал сам господин оберштурмфюрер.

С.: Вы сказали, что женщин, сопротивляющихся этой унижительной процедуре, только били? Разве им не отрезали соски?

Д.: Я к этому не имею никакого отношения. Это сделал сам господин оберштурмфюрер Ланге и только один раз, когда удары не подействовали. Но зато все остальные тогда стали по полной программе все делать, точно по инструкции.

С.: А зачем было приказано съесть эти соски дочке изуродованной женщины? Тоже по инструкции?

Д.: "молчит"

С.: Дочка послушалась?

Д.: Так точно. Но не сразу.

С.: Ее тоже били?

Д.: Никак нет. Просто в чувство привели.

С.: Поясните.

Д.: Так точно. С чего ведь началось. Мать под навес зашла, но ребенком своим и одеждой все прикрывается. Стесняется, видите ли, что голая. А чего стесняется, сама, должно быть, не понимает. Ясно ведь совершенно - мы тут женщин во всех видах по уши насмотрелись. Ну и не только, конечно, насмотрелись, тоже ей должно быть понятно. Да и сейчас она не первая была. Сама тут видела, что всезаклученные слушались беспрекословно. И дочка у нее до конца не раздевая.

Штанишки на ней остались. А тут смотрю, остальные женщины из этого эшелона раздеваться перестали. Все только на нее смотрят, что дальше будет. Господин оберштурмфюрер Ланге тоже это увидел. Понятно, решил неповиновение пресечь. Со своего места для этого встал и сам лично пощечину ей влепил. Дочку рядом велел поставить, а руки по швам. Это еще послушалась. Покрасневшая, правда, стоит, уши горят. На щеке белый отпечаток пятерни. Дальше. Рот открыла, показала. Подмышки тоже. А груди руками поднимать не хочет. Хотя чего уж тут такого особенного - не понятно. Что там секретного под ними может быть такого? Господин оберштурмфюрер тут ее даже уговаривать не стал. По другой щеке заехал и двух своих рабынь подозвал. Те ее за сосцы схватили и вверх груди подтянули. Больно, видно, схватили, она даже вскрикнула. Потом, когда отпустили, то сосцы набухшие у нее остались и очень большие. Думаю, тогда как раз господин оберштурмфюрер и подумал что-нибудь с ними сделать.

Затем до скамеечки дело дошло. Забраться-то она на нее забралась. Но руками опять и груди, и пах загородила. Зачем загородила, от дурости что ли? Ведь видели уже ее. Да и ничего интересного, кстати. Фигура - так себе. Не таких тут осматривали. Бывает, красавицы попадутся - пальчики оближешь! Да, так господин оберштурмфюрер ей по заднице тогда плеткой. Думал, поможет. За ягодицы она, конечно, от этого сразу схватилась. Но шерсть в паху раздвигать не стала. Хоть и приказано ей было категорически. А это ведь непорядок - малоли что там может быть. Вши, например. Опять с рабынями пришлось. Одна ей руки за спиной схватила, чтоб не вырвалась, другая в паху ковыряется.

А я чувствую, господин оберштурмфюрер Ланге заводиться начинает. Губы сжал, лицо

сердитое. Думаю, добром дело не кончится. И рабыни тоже поняли. Так что эту заключенную и уговаривать дальше не стали. Решили сами все за нее по полной программе сделать. Спиной к нам повернули, нагнуться заставили. А потом одна держать ее осталась. Другая ноги ей расставила и ягодицы раздвигать стала. Ну и я тоже, чтобы беды не случилось, решил подключиться - тем временем с ее дочки панталончики стаскиваю.

Как эта заключенная почувствовала, что ей задницу для лучшего обзора расширяют, да еще увидела, как я с ее чадом чего-то делаю, сразу со скамейки соскочила. Дочку у меня выхватила и сразу на руки - успокаивать. А чего ее успокаивать, она и так тихо себя вела. Что я, не знаю, что ли, как с детьми надо? Девчонке вообще года 4-5 было только, так что она и не нервничала совсем. Ну а вот господин оберштурмфюрер от такого своеволия совсем рассвирепел. Бить даже не стал. Велел мне руки ей за спину завернуть и так держать, чтоб не вырвалась. А сам подходит поближе и достает из кармана ножик, которым он ногти чистил. Раскрывает ножик и заключенной этой сосок оттягивает.

Чик - и нет его. Пока она не опомнилась, второй тоже отхватил. Та кричит, вырывается, по грудям кровь течет. А господин оберштурмфюрер два красных катышка на ладони подкидывает, думает, что дальше с ними делать.

Вижу, бросил он взгляд на дочку. Я подумал было, что он и ее будет резать. А это ведь не за что, девочка же ни в чем не виновата. Тем более, как кровь на материнских грудях увидела, от страха в обморок упала. На земле лежит, бледная вся, глаза закатились. Велел мне в чувство ее привести. По щекам девочку похлопываю. Без толку - как лежала, так и лежит. Говорю господину оберштурмфюреру, что водой надо, иначе не получится. А где же ее взять, воду-то? Если к управлению идти, то далеко, времени много уйдет. А нам ведь остальных заключенных осматривать надо. Те, кстати, как увидели, что с непослушной случилось, сразу опомнились. Не только голышом все стоят, но и неприкрываются даже, так что к осмотру готовы полностью. Так я про девочку эту начал. В себя ее привести надо, а воды нет. Господин оберштурмфюрер тогда на меня сначала посмотрел, а потом рукой махнул. Мол, без тебя обойдемся. И одной из своих личных рабынь велел на нее помочиться. Та как раз была и одета соответственно. На талии пояс, а от него вместо юбки ленты вниз спускаются. Под «юбкой» такой, конечно, ничего. Только чулки с резинками.

И даже просто так все тело видно, ленты-то редкие и узкие. А при каждом шаге- вообще все наружу. Так эта рабыня тогда к девочке подходит, ленты в руку подбирает и над ее лицом усаживается. Мы-то к таким зрелищам привычны, а какая-то из новых заключенных даже вскрикнула, слышу. Особенно, когда из рабыни полилось. На корточках она сидит, под себя смотрит и ерзает, чтобы вселицо облить.

Действительно помогло, девочка глаза открыла. Наверх смотрит и, видно, не понимает, что это за сооружение над ней, откуда соленая вода льется. Глаза растерянные такие... Рабыня, как увидела, что девочка очнулась, слезла с нее сразу. За руку взяла и к господину оберштурмфюреру подводит. Тот спрашивает:

«Голодная?» - она кивает. «Ешь», - говорит. И ладонь с отрезанными сосцами к ней подносит. Так и съела. Ребенок же маленький, еще ничего не понимает. Да и разобрать ей было трудно, что он ей протягивает...

Но что я еще хочу тут сказать. Ведь если бы господин оберштурмфюрер этого по полной программе не сделал, вся группа возражала бы против осмотра. И тогда не только эта заключенная пострадала бы, но и другие. Так что, вот так со стороны, да еще после войны

запросто судить трудно.

С.: А зачем под навесом был вкопан кол? Вы сажали на них заключенных?

Д.: Никак нет, я не сажал. Это делали личные рабыни по непосредственному приказу господина оберштурмфюрера Ланге. Я только смотрел, чтобы все работали слаженно.

С.: Как это делалось?

Д.: Но это же только, если сопротивление осмотру было массовым. Так что это вообще была превентивная мера. Наказывалась только одна вместо всех.

С.: Вам был задан вопрос. Как это делалось?

Д.: Так точно. Ноги заключенной привязывались к плечам, чтобы была похожа на «полуподушку» [об изготовлении и использовании «подушек» и «полуподушек» рассказывает сержант Хонстель (фигурант 3) - пер.]. Кол смазывался маслом и вводился во влагалище. Личные рабыни заключенную держали, чтобы не упала в сторону. А она могла за кол держаться руками, поэтому насаживалась на него не сразу. Надеялась еще, что ее снимут. Умоляла, говорила, что все приказы будут беспрекословно выполнять. Рабыни по приказу ее тогда еще немного поддерживали, чтобы помедленней проседала.

С.: Сколько времени длилась эта пытка?

Д.: Минут через 10-20 заключенная уже переставала кричать. А еще минут через 5-10 опускалась на землю, а кол выходил сверху. Но я еще раз хочу сказать, что это делалось из гуманности, потому что страдала только одна заключенная из всего эшелона. Все остальные уже не сопротивлялись. [Более подробно о сажании на кол см. в допросе личной рабыни Греты Вильке (фигурант 4) - пер.]

С.: А зачем же тогда остальным вы выкручивали соски, били по грудям и животу?

Д.: Никак нет, я это не делал. Обычно это делал только сам господин оберштурмфюрер. И не всем, только самым медлительным. Или самым грязным. Понимаете, ведь это была не самая приятная работа - осматривать этих женщин сразу после эшелона. Они там были набиты, как сельди в бочке. Ехали стоя и испражнялись под себя. Так что естественные отверстия у них были грязными и очень плохо пахли.

С.: Так что вам всем при осмотре приходилось ужасно страдать?

Д.: Так точно.

С.: Мне тоже ваши откровения было не очень приятно слушать. Давайте мы на этом сегодняшний допрос закончим.

Д.: До свидания.